

УДК 81' 373

**ЭВРИСЕМИЧНОСТЬ ИДИОМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИХ
ИСХОДНОГО ОБРАЗА: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

© 2009 г.

Т.М. Шихова

Северодвинский филиал Поморского госуниверситета им. М.В. Ломоносова

alexasava80@mail.ru

Поступила в редакцию 18.06.2009

Рассматривается эврисемичность как фразеосемантическая категория, ее различные проявления в языке и речи на примере анализа фразеологизма *запретный плод*.

Ключевые слова: идиома, эврисемичность, фразеологическое значение, употребление, актуализация, смысловое пространство, внутренняя форма, исходный образ, переосмысление, окказиональное преобразование.

Высказывания о фразеологическом значении как значении эврисемичном появляются в работах 90-х годов [1; 13; 15; 11]. Хотя сам факт, что фразеологические единицы характеризуются широким, неконкретным значением, был отмечен еще В.В. Виноградовым. Более того, он счел необходимым подчеркнуть, что эта особенность семантики фразеологизмов является необходимым условием их функционирования, ибо «конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [7, с. 18].

Эврисемичность характеризует системное языковое значение фразеологизмов. Причем в системе языка представлены идиомы, демонстрирующие различные проявления этой фразеосемантической категории в виде фразеологизмов неэврисемичных (типа *публичный дом, золотая свадьба, дать дуба* и др.) и эврисемичных по объему понятия (например: *белое пятно, весь белый свет, стар и мал* и др.) или по содержанию понятия (*змея подколотная, ломовая лошадь, кисейная барышня* и др.). В контекстах актуализируются основные и потенциальные семы как эврисемичных, так и неэврисемичных единиц. Известно, что актуализироваться может только системное значение и то, что свойственно единице в потенциале. Этот потенциал содержится в системе языка, то есть в структурно-семантических связях и во внутренней форме фразеологизма.

Рассмотрим особенности отражения эврисемичности фразеологического значения в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*.

В ряде словарей толкование значения данного фразеологизма ('о чем-либо недозволенном, недоступном, а поэтому особенно заманчивом, желанном' [4, с. 540; см. также: 16, с. 320; 8, с.

184]) соответствует употреблению фразеологизма в ситуациях межличностных отношений в социуме.

Например, в известном контексте: *Но мой Онегин вечер целый / Татьяной занят был одной, / Не этой девочкой несмелой, / Влюбленной, бедной и простой, / Но равнодушною княгиней, / Но неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы. / О люди! Все похожи вы / На прародительницу Еву: / Что вам дано, то не влечет, / Вас непрестанно змий зовет / К себе, к таинственному древу; / **Запретный плод** вам подавай, / А без того вам рай не рай* (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин») – *запретный плод* – это любовь замужней, недоступной женщины, которой добивается Онегин. Другие примеры: – *Кабинет являлся для Шуры заколдованным царством, к которому она не смела приближаться. Но зато она постепенно завоевала все другие комнаты, которые раньше являлись **запретным плодом*** (Д.Н. Мамин-Сибиряк, «Забывтый альбом») – здесь отражена ситуация, связанная с запретами в процессе воспитания детей в семье. *Мечтая о сцене, Тася тайком приехала в театральный клуб, вкусить **запретного плода*** (П.И. Боборыкин, «Китай-город»), – а здесь *запретный плод* обозначает желанный жизненный путь, профессию, о которой мечтает молодой человек или девушка и которая не одобряется родителями.

В контекстах, отражающих современную речь, наблюдается расширение объема значения рассматриваемого фразеологизма. Его понятийное содержание охватывает не только смысловое пространство исхода *что*, но и исхода *кто* [18, с. 24], то есть лицо или группу лиц, предмет, деятельность, ситуацию, которые являются недостижимыми или трудно доступными, могут

быть связаны с риском или опасностью, что вызывает особое внимание и интерес, делает привлекательным, заманчивым и желанным для другого лица или для группы лиц. Надо думать, по этой причине в [5, с. 229] значение фразеологизма толкуется как 'недозволенный или недоступный' и приводится информация о типовых ситуациях употребления его в речи. Судя по контекстам, приведенным в данном словаре, *запретный плод* в современной речи – это, например, *книги* в ситуации, способствовавшей возникновению самиздата; *творчество вокально-инструментальных ансамблей*, которым не предоставлялись площадки для выступления, *управление автомобилем на большой скорости*, вопреки советам инструкторов; *ранний сексуальный опыт*; *дочь богатого и влиятельного человека*; *запрещенный в открытом показе фильм*, полная версия которого имеется в российском Интернете и т.д. Очевидно, что приведенный перечень можно продолжать до бесконечности.

Известно, что фразеологизм восходит к библейскому мифу о древе познания добра и зла, срывать плоды которого Бог запретил Адаму и Еве [4, с. 540; 8, с. 184 и др.]. Изменение значения, развитие эврисемичности рассматриваемого фразеологизма сопровождается его отрывом от первоисточника. Подобное развитие является типичным для многих фразеологических единиц библейского происхождения. См., например, анализ фразеологизмов *соль земли*, *альфа и омега*, *блудный сын*, *святая святых* и др. в [19, с. 83 – 96].

Обращение к библейскому источнику и своеобразное переосмысление исходной образности находит отражение в поэтических произведениях «серебряного века». Возможность окказионального преобразования образной основы фразеологизма объясняется, с одной стороны, его немоделируемостью в плане порождения и возможностью актуализации в речи потенциальных сем, имеющих в значении прототипа, мотивирующего значение возникшей на его основе фразеологической единицы. С другой стороны, новому переосмыслению прототипа могут способствовать экстралингвистические факторы, в частности, изменение мировосприятия, кризисное мироощущение человека эпохи рубежа веков. Начало XX века – это эпоха, когда переосмысливаются основные этические и эстетические доминанты [см.: 2]. И не случайно возрастает интерес к Библии как к источнику человеческой мудрости и Книге книг.

Анализ поэтического материала показал, что разного рода структурные преобразования

(варьирование, фразеологическая аллюзия) могут быть усложнены изменениями в структуре самого образа ФЕ, а значит, изменением её семантики. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу: в поэзии «серебряного века» внутренний образ библейского фразеологизма полностью или частично переосмысливается (например, в поэтических текстах Д. Мережковского, М. Цветаевой, Вяч. Иванова и др.), что связано с особенностями мировоззрения, мировосприятия автора произведения. Фразеологизм становится как бы основным элементом в построении поэтического текста, реализующего религиозно-философскую и/или этическую концепцию автора.

Высказанные предположения рассмотрим на примере употребления фразеологизма *запретный плод* в стихотворении Н. Гумилёва «Потомки Каина» [10, с. 132].

В стихотворении Н. Гумилёва меняется начальная точка человеческой истории. Если в христианской традиции началом мира является Божественное, а дьявол выступает как падшая душа, «отпавший лист», то для Гумилёва Бог и Дьявол – две равные силы, которые не противопоставляются как положительное и отрицательное; их разделяет нечто иное. Историю человека Гумилёв представляет как переход от божественного (райского) существования к дьявольскому. Бог, с его точки зрения, даёт человеку жизнь, но человек в этой жизни ещё по-детски слеп, он живет с закрытыми глазами. Дьявол же олицетворяет собой не смерть, а несёт в себе некую тайну мира. Любая тайна всегда желанна своей разгадкой, и Дьявол как бы открывает глаза человеку на мир, в котором он до этого пребывал. Этим объясняется столь быстрое и лёгкое искушение человека: *Он не солгал нам, дух печально-строгий, / Принявший имя утренней звезды, / Когда сказал: «Не бойтесь Вышней мзды, / Вкусите плод и будете, как боги».*

Не случайно у Гумилёва Дьявол принимает «имя утренней звезды». Дьявол наделяет человека своей духоносностью, он – не только некая тайна мира, но и свет, открывающий эту тайну. Ср.: «*Люцифер* (лат. *Lucifer*), «светоносец», название утренней звезды. У отцов церкви Л., «сын зари» <...> является обозначением Дьявола» [17, с. 65]. Между тем в Апокалипсисе «звездой светлой и утренней» является Иисус Христос. В словаре символов *звезда* – «как свет, сияющий во тьме, – является символом духа» [12, с. 206].

Таким образом, вкушая плод, Адам и Ева переходят в качественно иное состояние: от детства – к зрелости, от слепоты – к обретению

зрения, от пассивного пребывания – к энергичной жизни, от замкнутости и ограниченности – к открытости, к размыканию всяческих границ, от знания – к высшему знанию. Начинается новый этап: уход из райского мира, делающего человека пассивным, не способным направлять свою энергию вовне, даёт начало человеческой свободе, полноценности: *Для юношей открылись все дороги, / Для старцев – все запретные труды, / Для девушек – янтарные плоды / И белые, как снег, единороги.*

С открытием глаз открывается перспектива сексуальной сублимации, которая в принципе уже была заложена в человеке Богом. Если до грехопадения человек, имея в своём духе двуполость, осознаёт «эротическую напряженность» как «глубочайшую основу и творения, и творчества», а «опыт личной любви» для него таит в себе множество откровений о таинстве мироздания, то теперь «священное пламя Эроса» находит себе материальное воплощение.

«Запретные труды» старцев также соотносятся с сексуальной проблематикой. Старец – это человек, заканчивающий свой жизненный путь,двигающийся к смерти, но и он получает возможность к новому возрождению.

Не случаен здесь образ «белого единорога». «Традиция обычно представляет его в виде белого коня с одним рогом, выходящим из лба. Легенда утверждает, что он неутомим, когда его преследуют, но покорно ложится на землю, если к нему приближается девственница. Это наводит нас на мысль, что единорог символизирует сексуальную сублимацию» [12, с. 191–192]. Становится понятным юнгианское объяснение дуальности символа рога: с одной стороны, он проникает во что-либо, и поэтому наделён активными и мужественными характеристиками; с другой стороны, форма рога – своего рода вместилище, имеющее женскую природу. Согласно книге Бытия (2: 21–25), а также концепции С.Н. Булгакова, Адам изначально двуполое существо [см.: 3; 6]. Эта двуполость сохраняется и в его духе.

Таким образом, рог следует понимать как образ фаллоса, своеобразную перифразу процесса совокупления. Отсюда – двойственность процесса возрождения у Гумилёва. С одной стороны, это возрождение через духовное семя Божье, а с другой – открывается ещё один путь рождения нового мира – материальное семя, оживлённое фаллосом. Концепция Н. Гумилёва включает в себя элемент мифологического архетипа Юнга: поклонение душе, символически выраженное в поклонении женщине. Процесс поклонения значительно укрепляет мужскую

душу как «психологический фактор». Свидетельством об усилении женского начала в мужской психологии является символ сосуда (*vas*), под которым, по мнению Юнга, следует понимать «чрево матери» (*uterus*). «Символизация в загадочном образе указывает на одухотворение эротики, ожившейся от служения женщине» [21, с. 291; см. также: 20].

Выстроенная Гумилёвым концепция находит некоторые параллели с определением божественной структуры мира в понимании Вл. Соловьёва. По мнению философа, есть некая душа, которую Творец наделяет идеальным духовным началом, после чего она движется к Творению, где набирается плотской силы. Возвращаясь снова к Творцу, мировая душа становится идеальным началом [14, с. 139]. Человек, в котором Богом заложена духоносность, начинает осознавать своё плотское начало после грехопадения. Если же у Вл. Соловьёва мировой дух материализуется благодаря соединению его с Божеским Творением, то у Н. Гумилёва материализующей доминантой становится Творение Дьявольское. *Запретный плод* в концепции Гумилёва скорее не запретный, а желанный, жизнепорождающий. Обретя материальное, человек способен противостоять божьей каре, материальному миру.

Акмеизм, который был близок к действительности и которому, в отличие от символизма, был интересен человек данный, а не вечный, ставит в центр внимания материальное состояние мира. В статье «Наследие символизма и акмеизм» Гумилёв писал: «Мы не решились бы заставить атом поклониться Богу, если бы это не было в его природе. Но, ощущая себя явлением среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами. Наш долг, наша воля, наше счастье и наша трагедия – ежечасно угадывать то, чем будет следующий час для нас, для нашего дела, для всего мира, и торопить его приближение. И как высшая награда, ни на миг не останавливая нашего внимания, грезится нам образ последнего часа, который не наступит никогда. Бунтовать же во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним – открытая дверь» [9, с. 18].

Дьявол в облике Люцифера создаёт для человека новый рай (не истинный, не ложный, а иной), но в котором уже можно осуществить своё бессмертие. Через *запретный плод* человек приобретает возможность продолжения своего рода, порождения других плодов. Человек стал

богом, так как заплатил своей собственной смертью за своё бессмертие.

Таким образом, переосмысление образа и изменение значения фразеологизма *запретный плод* происходит в рамках индивидуальной концепции автора. Концепция Гумилёва – яркий контраст по отношению к библейскому тексту. Его *плод* желанен и принимаем, так как открывает для человека новые, ранее скрытые (невидимые) возможности. Переосмысление образа у Гумилёва берёт своё начало в мифологическом архетипе «поклонение женщине (душе)». Поклонение Богу – Дьяволу открывает перспективы сексуальной сублимации для человечества, даёт начало новой жизненной энергии.

Проведенный анализ позволяет заключить, что специфика фразеологического значения как значения эврисемичного объясняется особенностями фразеологического образа, сложного по своей внутренней структуре, наглядного, эксплицитированного и детализированного.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Валухо З.О. Теоретические основы фразеологической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеологии. Новгород: НГУ, 1990. С. 23–32.
2. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и к, 1997. 541 с.
3. Библийская энциклопедия / Труд и изд. архимандрита Никифора. М.: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. 902 с.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
6. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцание и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
8. Грановская Л.М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 288 с.
9. Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилев Н. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1991. С. 18.
10. Гумилев Н.С. Потомки Каина // Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. СПб.: академический проект, 2000. С. 132.
11. Добрыднева Е.А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 1998. 88 с.
12. Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994. 608 с.
13. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учебное пособие. Пермь: ПГПИ, 1990. 127 с.
14. Соловьёв В.С. Сочинения. М.: Раритет, 1974. 448 с.
15. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // ФН. 1997. № 5. С. 43–54.
16. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994. 544 с.
17. Христианство: энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Изд-во БРЭ, 1993. 863 с.
18. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
19. Шихова Т.М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах: учебное пособие. Архангельск: Поморский университет, 2005. 219 с.
20. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
21. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: «Университетская книга»: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 720 с.

EURISEMICS OF IDIOMS AS THE RESULT OF THE RECONSIDERATION OF THEIR INITIAL IMAGE: REFLECTION IN THE LANGUAGE AND SPEECH

T.M. Shikhova

In this paper, eurisemism is considered as a phraseological and semantic category; its different manifestations in the language and speech are discussed on the material of the phraseological unit *forbidden fruit*.

Keywords: idiom, eurisemism, phraseological meaning, usage, actualization, semantic space, inner form, initial image, transformation, occasional transformation.